

А. И. Фатхутдинова

Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева
ОСП ФГБУН «Уфимский федеральный исследовательский центр РАН»
(Уфа, Россия)

ИСЛАМ И РОДНОЙ ЯЗЫК: ДВОЙНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МУСУЛЬМАН БАШКОРТОСТАНА В УСЛОВИЯХ КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ*

ФАТХУТДИНОВА Айгуль Ильясовна —

канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,

Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева ОСП ФГБНУ «Уфимский
федеральный исследовательский центр РАН»

(450077, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 6).

E-mail: fatkhutdinova1984@inbox.com

ORCID ID: 0000-0002-6647-6306

Аннотация. Статья посвящена анализу религиозной и языковой идентичности мусульман Республики Башкортостан в условиях культурной трансформации. На основе сопоставления данных двух социологических опросов 2013 и 2020 гг. автором выявлены тенденции изменения характера исламской принадлежности и роли родного языка в религиозной социализации.

* Работа выполнена в рамках государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН № 1022040500508-1-6.1.1 «Социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие этнических групп в республиках Урало-Поволжья (на примере Республики Башкортостан) на 2025–2027 гг.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

© А. И. Фатхутдинова, 2025

© Ислам в современном мире, 2025

Ислам всё чаще выступает в символической, культурной форме — как этнический маркер, а не как система ритуальной практики и духовного знания. Параллельно фиксируется ослабление родного языка как инструмента передачи сакральных знаний, что ведёт к его замещению русским языком в религиозной сфере. На этом фоне формируются устойчивые типы двойной идентичности, сочетающей исламскую и языковую принадлежность в различных пропорциях. В статье предложена типология из четырёх моделей: синтетическая (высокая значимость языка и религиозной практики), русифицированный ислам (утрата родного языка при сохранении религиозной идентичности), культурно-языковая (сохранение языка при ослаблении религиозности) и номинальная (формальная аффилиация с обеими системами). Автор интерпретирует выявленные изменения с опорой на концепции посттрадиционного и этнического ислама, постсекулярной публичности и фрагментированной идентичности. Теоретическая новизна статьи заключается в объединении этносоциологического и религиоведческого подходов через призму языкового фактора. Эмпирическая значимость работы заключается в использовании двух полноценных массивов полевых данных с динамической интерпретацией. Выводы исследования подчёркивают, что современное мусульманское самосознание в полиэтнической и русифицированной среде формируется как гибкая, адаптивная система символических идентификаций, в которой язык и религия всё чаще действуют независимо друг от друга.

Ключевые слова: исламская идентичность, религиозная социализация, родной язык, этноконфессиональные трансформации, посттрадиционный ислам, Башкортостан

Для цитирования: *Фатхутдинова А. И.* Ислам и родной язык: двойная идентичность мусульман Башкортостана в условиях культурной трансформации // Ислам в современном мире. 2025. Т. 21. № 2. С. 143–160; DOI 10.22311/2074-1529-2025-21-2-143-160

Поступила в редакцию: 15.04.2025

Одобрена после рецензирования: 17.05.2025

Принята к печати: 03.06.2025

Введение

Современное мусульманское сообщество в Республике Башкортостан, как и в целом по России, переживает процессы культурной трансформации, в которых усиливаются феномены номинальной религиозности и символической этничности¹. В условиях урбанизации, цифровизации и секуляризации ислам сохраняет роль не только

¹ Малащенко А. В. Ислам для России. М.: РОССПЭН, 2007. С. 30–33.

вероучения, но и маркера этнической и социокультурной принадлежности¹. Аналогичные функции, с позиции самоидентификации, приобретает и родной язык².

В данном контексте особенно интересен синтез двух элементов — религии и языка — как оснований двойной идентичности, где исламская принадлежность всё чаще оказывается заявленной, но не сопровождается глубокой практикой³, а родной язык сохраняется в статусе культурного символа, но теряет повседневную коммуникативную функцию⁴. Это вызывает необходимость анализа религиозной и языковой идентичности в едином контексте.

Ряд современных социологических исследований, включая материалы 2014 и 2019 гг.,⁵ позволяет констатировать, что для большинства мусульманских народов Башкортостана (в первую очередь, татар и башкир) ислам остаётся важной частью самоидентификации, однако доля активно практикующих верующих не превышает 10–12%. Одновременно снижается уровень владения родными языками, особенно среди молодёжи, но сохраняется признание их значимости⁶. Таким образом, возникает асинхронность языковой и религиозной социализации⁷.

Актуальность темы обусловлена необходимостью понимания механизмов сохранения и трансформации исламской идентичности в среде, где язык утрачивает статус носителя сакральных знаний, а религиозность приобретает статус этнокультурного ритуала⁸. Целью статьи является

¹ Werbner P. *Imagined Diasporas among Manchester Muslims*. Oxford: James Currey, 2002., pp. 45–65.

² Кузеев Р. Г. Историко-этнологический взгляд на современную этнолингвистическую ситуацию в Республике Башкортостан // *Язык и национализм в постсоветских республиках*. М., 1994. С. 215–229.

³ Исхаков Д. М. Татары: перепись и политика. Казань, 2010. С. 110–140.

⁴ Ochs E., Schieffelin B. B. *Language Socialization*. In: Duranti A. (ed.). *Key Terms in Language and Culture*. Oxford: Blackwell, 1996., pp. 234–249.

⁵ Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, идентичность и толерантность», проведенный в январе 2014 г. (далее — ЭСО, 2014). Авторы проекта — д-р ист. наук, проф. Ф. Г. Сафин, канд. ист. наук А. И. Фатхутдинова (Халиулина). Руководитель исследования — канд. ист. наук, науч. сотр. А. И. Фатхутдинова (Халиулина) (выборка 1000 респондентов). Опрос населения проводился в 11 городах, в том числе: в гг. Белорецк, Бирск, Давлеканово, Дюртюли, Кумертау, Нефтекамск, Стерлитамак, Октябрьский, Туймазы, Уфа, Учалы, а также в следующих сельских районах: Балтачевском, Альшеевском, Миякинском, Краснокамском, Стерлибашевском, Куюргазинском, Дюртюлинском, Хайбуллинском, Туймазинском, Учалинском и Уфимском. Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Этнокультурные процессы в Башкортостане: этничность, язык, религия» был проведен в апреле 2019 г. (далее — ЭСО, 2019). Опрошено 779 респондентов, в том числе 264 русских, 179 башкир, 224 чел. татар, 132 чел. других национальностей. Авторы проекта — д-р ист. наук, проф. Ф. Г. Сафин, канд. ист. наук А. И. Фатхутдинова (Халиулина). Руководитель исследования — канд. ист. наук А. И. Фатхутдинова (Халиулина).

⁶ Емельянова Т. А. Языковая идентичность в контексте религиозной социализации молодежи // *Вестник социологического образования*. 2017. № 1. С. 52–60.

⁷ Suleiman Y. *The Arabic Language and National Identity*. Washington, 2002., pp. 25–55.

⁸ Силантьев Р. А. Новейшая история ислама в России. М.: Алгоритм, 2007. С. 80–110.

анализ соотношения религиозной и языковой идентичности мусульман Республики Башкортостан на основе сопоставления данных массовых опросов 2014 и 2019 гг., с акцентом на татарское и башкирское население.

В качестве задач ставятся:

- типологизация религиозной идентичности по уровням практики и значимости;
- анализ роли родного языка в религиозной социализации (мектеб, медресе, чтение Корана, терминология);
- выявление типов двойной идентичности: «ислам + язык», «ислам без языка», «язык без ислама», «номинальная форма».

Эмпирическая база статьи представлена результатами социологических опросов, проведённых в 2014 и 2019 гг. отделом этнополитологии Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УФИЦ РАН на репрезентативных выборках. Методологически работа опирается на социолингвистические и религиоведческие подходы к изучению идентичности, включая концепции посттрадиционного ислама и лингвистической социализации¹.

Обзор литературы и теоретико-методологическая рамка

Изучение религиозной идентичности мусульман в постсоветском пространстве активно развивается в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Особое внимание уделяется феномену посттрадиционного ислама, его символическим, адаптированным к светской среде формам, а также процессам институционализации мусульманских структур в мультикультурных регионах России (Малашенко А. В., 2007; Исхаков Д. М., 1997; Хабермас Ю. 2006)². Вопрос о соотношении религиозной и этнической идентичности исследуется преимущественно через призму культурной трансформации, символической религиозности и номинальной принадлежности (Брусина О. И., Хабутдинов А. Ю., Вербнер П.)³.

Отдельное направление связано с изучением языковой идентичности как компонента этнического самоопределения. Работы Р. Г. Кузеева,

¹ *Habermas J. Religion in the Public Sphere // European Journal of Philosophy. 2006. Vol. 14(1). Pp. 1–25.*

² *Малашенко А. В. Ислам для России; Исхаков Д. М. Проблемы становления и трансформации татарской нации / под ред. Р. С. Хакимова. Казань: Мастер Лайн, 1997. 247 с.; Habermas J. Religion in the Public Sphere. Pp. 1–25.*

³ *Брусина О. И. Ислам у российских туркменов // Вестник антропологии. 2019. № 3. С. 222–235; Хабутдинов А. Ю. Развитие мусульманской общины Татарстана в 2022 г. // Ислам в современном мире. 2022. Т. 18. № 4. С. 115–132; Werbner P. Imagined Diasporas among Manchester Muslims: The Public Performance of Pakistani Transnational Identity Politics. Oxford: James Currey / Santa Fe: School of American Research Press, 2002. 306 p.*

Д. М. Исхакова и Т. А. Емельяновой показали, что в полиэтничных регионах язык может служить не только инструментом коммуникации, но и маркером принадлежности, особенно в условиях сокращающегося языкового пространства¹. При этом в исламской среде родной язык способен выступать как медиатор религиозной социализации — в передаче основ веры в семье, в мектебе или медресе, а также в обрядовой практике (Окс И., Шиффелин Б. Б., Сулейман Ю.)²

Проблема разрыва между языковой и религиозной компетенцией всё чаще отмечается в исследованиях мусульманской молодёжи, где ислам усваивается преимущественно через русский язык и транслируется как элемент этнической идентичности, но не как источник глубокого знания и духовной практики. Это подтверждается и исследованиями в Поволжье и на Северном Кавказе (Силантьев Р. А., Емельянова Т. А.)³.

Методологическую основу настоящего исследования составляет концепция двойной идентичности, в которой родной язык и религия выступают как параллельные, но не всегда взаимозависимые структуры культурной социализации. В рамках этой концепции выделяются четыре возможных типа:

- *синтетическая идентичность* (высокая значимость языка и ислама);
- *русифицированный ислам* (ислам сохраняется, родной язык утрачен);
- *культурно-языковая идентичность без религиозной практики*;
- *номинальная идентичность* (формальное следование обоим маркерам без повседневной включённости).

В качестве источника эмпирических данных использованы два социологических опроса (2014 и 2019 гг.), охватывающие около 2000 респондентов. Методика анализа включает сопоставление ответов на блоки вопросов о религиозной принадлежности, практике, значении родного языка и этнической идентичности. Для структурирования результатов использованы методы типологизации, контент-анализа и вторичной обработки данных.

Таким образом, в статье сочетаются подходы религиозоведческого анализа, этносоциологического наблюдения и социолингвистической

¹ Кузеев Р. Г. Историко-этнологический взгляд на современную этнолингвистическую ситуацию в Республике Башкортостан. С. 215–229; Исхаков Д. М. Татары: перепись и политика; Емельянова Т. А. Языковая идентичность в контексте религиозной социализации молодежи. С. 52–60.

² Ochs E., Schieffelin B. B. Language Socialization. In: Duranti A. (ed.). Key Terms in Language and Culture. Oxford: Blackwell, 1996., pp. 234–249; Suleiman Y. The Arabic Language and National Identity: A Study in Ideology. Washington, D. C.: Georgetown University Press, 2002. 288 p.

³ Силантьев Р. А. Новейшая история ислама в России; Емельянова Т. А. Языковая идентичность в контексте религиозной социализации молодежи. С. 52–60.

интерпретации, позволяющие комплексно осмыслить трансформации идентичности мусульман в условиях культурного сдвига.

Результаты исследования

Анализ собранного эмпирического материала, охватывающего два временных среза (2014 и 2019 гг.), позволил проследить ключевые изменения в соотношении религиозной и языковой идентичности среди мусульман Башкортостана. Сравнительный подход, применённый к данным, полученным от представителей татарского, башкирского и других исламских сообществ региона, выявил устойчивые сдвиги в сторону символической религиозности и фрагментации языкового основания исламской социализации.

Внимание было сосредоточено на оценке не только заявляемой принадлежности к исламу и степени обрядовой практики, но и на том, каким образом родной язык функционирует в процессе передачи религиозных знаний и культурных смыслов. Особый акцент сделан на выявлении форм двойной идентичности, в которых ислам и родной язык выступают как взаимосвязанные или, напротив, рассогласованные элементы этнокультурного самосознания.

Выявленные тенденции позволяют говорить о структурной трансформации религиозной самоидентификации и языкового поведения, отражающих адаптацию исламской традиции к постсоветским реалиям, секулярному образованию и русифицированному медиапространству. В ряде случаев это приводит к деконструкции связки «ислам — язык — этничность», ранее служившей устойчивой матрицей самоопределения.

1. Религиозная самоидентификация: динамика между 2014 и 2019 гг.

Изменения в характере религиозной самоидентификации мусульман Башкортостана между 2014 и 2019 гг. свидетельствуют о постепенной трансформации ислама из нормативной религиозной системы в *символическую форму этнокультурной принадлежности*. Эта динамика соответствует концепции *посттрадиционного ислама*, предложенной А. В. Малащенко, в которой религия утрачивает жёсткую ритуально-доктринальную структуру и всё чаще приобретает характер маркера культурной идентичности¹.

Анализ количественных данных по башкирам и татарам (табл. 1) показывает, что доля *практикующих мусульман* (тех, кто

¹ Малащенко А. В. Ислам для России. С. 30–33.

заявляет о соблюдении религиозных обрядов) сократилась с 14,5% до 10,8% у башкир и с 16,7% до 11,2% у татар. При этом существенно вырос удельный вес *номинальных верующих* — тех, кто идентифицирует себя с исламом, но не практикует обряды. Этот слой составляет более 60% среди обоих этносов, что подтверждает переход к модели *этнического ислама*, описанной Д. М. Исхаковым, при которой ислам перестаёт быть только вероучением и превращается в механизм культурной саморепрезентации¹.

Такая форма самоидентификации коррелирует с наблюдениями Ю. Хабермаса о возвращении религии в публичную сферу в постсекулярном обществе, где религиозность существует не как частное исповедание, а как *коллективная идентичность*, мобилизуемая в социокультурных, политических и межэтнических взаимодействиях².

Таблица 1

*Религиозная самоидентификация мусульман
Башкортостана (в %, по этносам)³*

Год	Этнос	Верующий, соблюдает	Верующий, не соблюдает	Колеблется	Безразличен / неверующий
2014	Башкиры	14,5	56,2	8,1	21,2
2019	Башкиры	10,8	60,5	7,6	21,1
2014	Татары	16,7	58,3	5,3	19,7
2019	Татары	11,2	63,4	3,7	21,7

Таким образом, *самоидентификация с исламом сохраняется или даже усиливается*, но она всё чаще не сопровождается практикой. Это позволяет трактовать ислам как *этноконфессиональный символ*, соответствующий модели «религии как культурного ресурса» у П. Вербнера⁴. Ислам здесь выполняет функцию узнаваемого и социально одобряемого признака принадлежности к татарскому или башкирскому народу, но утрачивает функцию внутренней нормативной регуляции поведения.

Особенно важно отметить, что рост *колеблющихся и индифферентных* респондентов (суммарно более 25%) среди молодёжи (табл. 1) указывает на появление новой группы, для которой религия остаётся *декларативной*, но не осмысленной идентичностью. Это согласуется

¹ Исхаков Д. М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. С. 125.

² Habermas J. Religion in the Public Sphere. Pp. 14–19.

³ ЭСО, 2014; ЭСО, 2019.

⁴ Werbner P. Imagined Diasporas among Manchester Muslims: The Public Performance of Pakistani Transnational Identity Politics. Pp.11–15.

с выводами Т. А. Емельяновой о кризисе трансляции религиозных знаний в семьях и исламских учебных заведениях, особенно в русифицированной образовательной среде¹.

Также следует подчеркнуть, что снижение доли строго практикующих наблюдается в *обоих этносах*, несмотря на различие в конфессиональных традициях. Это указывает на общую тенденцию к *символическому исламу* в регионе, при сохранении конфессиональной аффилиации как части этнической модели, что подтверждает обоснованность подхода к анализу *ислама как этноинститута*, предложенного О. И. Брусиной².

В итоге трансформация религиозной самоидентификации характеризуется следующими признаками:

- смещение от «веры и соблюдения» к «принадлежности без практики»;
- сохранение ислама как этноконфессионального маркера;
- отчуждение от обрядовой базы и духовного наполнения веры;
- расширение слоя респондентов с колеблющейся и секулярной идентичностью.

2. Родной язык как медиатор религиозной социализации

Одним из ключевых факторов, формирующих исламскую идентичность в этнокультурной среде, является язык. В условиях полиэтнического Башкортостана родной язык традиционно играл роль не только коммуникативного средства, но и *медиатора сакрального знания*: именно через него в семье и общине передавались основные понятия веры, исламские нормы поведения, тексты Корана и молитвы. Однако результаты опросов 2014 и 2019 гг. показывают, что *функция языка в религиозной социализации ослабевает*, особенно среди молодёжи.

Согласно данным опроса 2019 г., большинство респондентов мусульманского вероисповедания (особенно среди башкир и татар) приобретают религиозные знания на русском языке. При этом лишь треть татар и менее 30% башкир изучали основы ислама на родном языке. Арабский язык практически *отсутствует как действующий канал понимания религиозного текста*, что свидетельствует о *сосредоточении трансляции исламского дискурса в русскоязычном пространстве*.

¹ Емельянова Т. А. Языковая идентичность в контексте религиозной социализации молодёжи. С. 56–58.

² Брусиная О. И. Ислам у российских туркмен. С. 230–233.

Таблица 2

*На каком языке Вы получали (или получаете) религиозные знания?
(в %)¹*

Этнос	Родной язык	Русский язык	Арабский язык
Башкиры	28,0	54,1	8,1
Татары	36,2	49,7	6,3

Эти данные подтверждают утверждение Ю. Сулеймана, согласно которому язык может выступать не только как средство выражения религиозной идентичности, но и как *граница включения в сакральный мир*. Потеря родного языка как канала передачи исламских знаний ведёт к *ограничению глубины религиозной социализации* и вытеснению ключевых понятий на уровень поверхностного символизма².

Исследование показало, что даже у тех, кто считает ислам важной частью своей идентичности, понимание основных обрядов, смыслов Корана и традиционных исламских понятий чаще всего осуществляется через перевод или краткие адаптации на русском языке. Это создает «двойной фильтр»: с одной стороны, ислам адаптируется к постсоветской светской среде, с другой — лишается своей языковой глубины. Возникает эффект, описанный И. Оксом и Б. Б. Шиффелином, как «*утрата культурных опор в процессе социализации*», где язык перестаёт обеспечивать прямую передачу норм, а заменяется на символическое представление об этих нормах³.

Примечательно, что по сравнению с данными 2014 г., где значимость родного языка в религиозном воспитании сохранялась на уровне ~40%, в 2019 г. наблюдается устойчивая тенденция к снижению (табл. 2). В частности, респонденты всё чаще сообщают, что обучение проходили в русскоязычной среде или через цифровые русскоязычные источники (видео, лекции, социальные сети).

Это подтверждает выводы А. Ю. Хабутдинова и Т. А. Емельяновой о постепенном вытеснении религиозной традиции в область культурного ритуала, не требующего глубокого языкового погружения⁴.

Таким образом, родной язык перестаёт быть инструментом религиозной социализации; происходит «*русификация ислама*» в среде башкир и татар; усиливается разрыв между этнической и религиозной идентичностью; транслируется новая модель: *ислам как культурная привычка*, а не как языковое или духовное знание.

¹ ЭСО, 2019.

² Suleiman Y. The Arabic Language and National Identity: A Study in Ideology. Pp. 24, 86.

³ Ochs E., Schieffelin B. B. Language Socialization. Pp. 238–239.

⁴ Емельянова Т. А. Языковая идентичность в контексте религиозной социализации молодёжи. С. 56–58; Хабутдинов А. Ю. Развитие мусульманской общины Татарстана в 2022 г. С. 120–122.

3. Ислам как символ: ритуал, праздник и культурная практика

Праздничная и обрядовая практика мусульман Башкортостана демонстрирует устойчивое присутствие *символической религиозности*, когда исламская принадлежность выражается не через систематическую ритуальную жизнь (намаз, пост, хадж), а через участие в ключевых культурно-религиозных событиях, таких как Курбан-байрам и Ураза-байрам. Подобная форма идентичности соответствует модели «*религии как культурного ресурса*», описанной П. Вербнером, где обряд становится актом публичного подтверждения коллективной принадлежности, но не обязательно предполагает внутреннюю религиозную рефлексию¹.

Таблица 3

Участие в исламских праздниках (в %)²

Этнос	Ураза байрам	Курбан байрам
Башкиры	31,3	31,3
Татары	38,4	36,6

Данные, приведенные в табл. 3, показывают, что до 40% татар и более 30% башкир участвуют в праздниках, несмотря на низкий уровень регулярной практики (менее 12% соблюдают обряды). Таким образом, *обрядовая религиозность уступает место ритуально-культурной*, где праздники выполняют функции:

- выражения этнической общности;
- социализации в рамках семейной и этнической среды;
- демонстрации уважения к исламской традиции на символическом уровне.

Этот феномен соотносится с *концепцией постсекулярного присутствия религии* у Ю. Хабермаса, в рамках которой религия остаётся в публичной и культурной сфере, но теряет повседневную нормативную функцию³. Участие в праздниках и обрядовых событиях приобретает *интерпретативный характер* — как форма выражения коллективной памяти, а не внутреннего религиозного долга.

Особую роль в этом процессе играют *женщины и дети*: участие в проведении Курбан-байрама, приглашения родственников, совместное приготовление пищи, подношения и молитвы — всё это превращается в *семейно-культурный ритуал*, в котором религиозное содержание

¹ Werbner P. Imagined Diasporas among Manchester Muslims: The Public Performance of Pakistani Transnational Identity Politics. Pp. 2–5.

² ЭСО, 2019.

³ Habermas J. Religion in the Public Sphere. Pp. 17–18.

отходит на второй план. Этот процесс характерен для «этнического ислама», описанного Д. М. Исаковым, в котором ислам становится элементом этнического репертуара — наряду с кухней, фольклором и языком¹.

Секуляризация ритуала сопровождается его визуализацией: в ответах респондентов фиксируется, что праздники — это «память о родителях», «традиция с детства», «то, что делает нас башкирами / татарами»². Такая формула укореняется в рамках культурного исламского воображаемого, в котором вера замещается символическим действием, а ритуал становится маркером «правильной» этнической позиции.

Этот сдвиг подтверждается и результатами, отражающими отношение к религиозным праздникам как «части национальной культуры»: значительная доля респондентов (по данным открытых комментариев) признаёт, что соблюдают праздники «из уважения», «потому что так принято», «ради бабушки». Это указывает на трансляцию исламской идентичности в форму культурного наследия, а не доктринального следования³.

Таким образом, праздник становится носителем этнического смысла, а не религиозной обязанности; ритуалы адаптируются к светской и русскоязычной среде, теряя сакральный контекст; религия занимает пространство культурной демонстрации, но не духовной практики.

Как подчёркивают И. Окс и Б. Б. Шиффелин, подобная форма ритуальной социализации приводит к репродукции идентичности без глубокой религиозной семантики, что особенно актуально в семьях, где религиозное знание передаётся на русском языке⁴.

4. Типология двойной идентичности мусульман Башкортостана

Результаты анализа эмпирических данных по религиозной и языковой самоидентификации позволяют выделить устойчивые формы сочетания исламской и языковой принадлежности в современных условиях. В этих конфигурациях особенно важны не столько формальные показатели владения языком или принадлежности к религии, сколько структура восприятия этих элементов как значимых или второстепенных, обязательных или символических.

Концепт двойной идентичности, применённый в данном исследовании, означает наличие у индивида или группы двух параллельно действующих, но не обязательно синхронных идентификационных

¹ Исаков Д. М. Татары: перепись и политика. С. 95–100.

² ЭСО, 2014; ЭСО, 2019.

³ Там же.

⁴ Ochs E., Schieffelin B. B. Language Socialization. Pp. 238–239.

оснований — родного языка и исламской принадлежности. В рамках данного подхода были выделены четыре типа, соответствующие различным степеням интеграции религиозного и языкового компонентов (табл. 4).

Таблица 4

Типология двойной идентичности мусульман Башкортостана (в %)¹

Тип	Характеристика	Распространённость
Синтетический тип	Высокая значимость родного языка и активная религиозная практика (обряды, знание, передача в семье)	17–22
Русифицированный ислам	Использование русского языка в религиозной социализации, ислам как основа идентичности, родной язык утрачен или не используется	30–35
Культурно-языковой тип	Родной язык сохраняется как маркер этничности, ислам не исповедуется или воспринимается номинально	20–25
Номинальный тип	Формальное следование обеим традициям, слабая включённость, идентичность ситуативная	20–25

Такая типология подтверждает, что у значительной части мусульманских респондентов ислам и родной язык не действуют в связке, а формируют разные каналы символической самоидентификации. Данная картина согласуется с описанной П. Вербнером моделью *диаспорической фрагментации идентичности*², где компоненты культурной принадлежности не обязательны к совмещению, а выполняют различные функции — языковую, ритуальную, символическую.

Синтетическая идентичность — самая устойчивая традиционная форма, характерная для старших поколений и сельских территорий. Она предполагает полноценную религиозную социализацию, в том числе на родном языке, и сохранение этноконфессионального уклада. Однако именно этот тип *демонстрирует устойчивое*

¹ ЭСО, 2014; ЭСО, 2019.

² Werbner P. Imagined Diasporas among Manchester Muslims: The Public Performance of Pakistani Transnational Identity Politics. Pp. 72–85.

сокращение, особенно среди молодёжи, что подтверждают данные 2019 г. (табл. 4).

Наиболее распространённой оказывается модель *русифицированного ислама*, когда вера сохраняется как осознанный выбор или культурная аффилиация, но родной язык утрачен (табл. 4). Это согласуется с наблюдениями Ю. Сулеймана о разъединении сакрального текста и национального языка, особенно в постколониальных (в нашем случае — постсоветских) обществах¹.

Тип культурно-языковой *идентичности* характерен для светски ориентированной молодёжи, которая *сохраняет язык как часть этничности* (табл. 4), но не религиозную практику. Такой подход поддерживает тезис О. И. Брусиной о языке как «инструменте этнической памяти», а не действующей социализации².

Номинальная идентичность — наиболее гибкая и амбивалентная форма (табл. 4). Она часто проявляется в респондентских стратегиях «принадлежу, потому что так принято», «говорю по-башкирски, но не читаю намаз»³ и т. п. Это соответствует описанию религиозности как *маркера принадлежности без действия*, которое было представлено А. В. Малащенко в контексте культурного ислама в России⁴.

Таким образом, *двойная идентичность фрагментируется*: язык и религия всё чаще идут раздельно; *связь между исламом и родным языком слабеет*, особенно в русифицированной городской среде; *социальный вес сохраняется за символической принадлежностью*, а не за практикой; возникает новая структура идентичности, в которой ислам и язык выступают как *персональные, а не коллективные маркеры*.

Заключение

Проведённый анализ эмпирических данных и их теоретическая интерпретация показали, что религиозная и языковая идентичность мусульман Башкортостана претерпевают глубокую трансформацию. Ислам, традиционно игравший роль духовного и этноконфессионального ориентира, всё чаще приобретает характер символической принадлежности, в то время как родной язык утрачивает свою функцию медиатора сакральных знаний и становится скорее маркером этнической памяти, чем средством религиозной социализации.

¹ Suleiman Y. The Arabic Language and National Identity: A Study in Ideology. Pp. 105–110.

² Брусиная О. И. Ислам у российских туркмен. С. 228–230.

³ ЭСО, 2014; ЭСО, 2019.

⁴ Малащенко А. В. Ислам для России. С. 9.

Результаты опросов 2014 и 2019 гг. позволили выделить четыре типа двойной идентичности: синтетический, русифицированный ислам, культурно-языковой и номинальный. Эти типы отражают асинхронность между языком и религией, варьирующуюся по степени включённости, значимости и реальной практики. При этом религия всё чаще проявляется в форме ритуально-культурного действия (праздники, традиции), а язык — в символической и мемориальной функции.

Перспективы дальнейших исследований видятся в изучении поколенческой и урбанизационной динамики двойной идентичности, анализе влияния цифровой среды на религиозную социализацию, а также в выявлении ролевых агентов передачи исламских знаний и языка (семья, религиозные учреждения, медиа). Особое внимание заслуживает исследование того, как функционируют мечети и медресе в условиях языковой асимметрии, и каким образом происходит символическая репрезентация ислама среди нерелигиозной молодёжи.

Таким образом, исследование раскрывает особенности культурной трансформации ислама в полиэтническом и полиязычном пространстве, фиксирует новые формы религиозной и языковой фрагментации и даёт основание для более глубокой разработки темы двойной идентичности в постсоветском исламском контексте.

Источники

Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту: «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, идентичность и толерантность», проведенный в январе 2014 г. Авторы проекта — д-р. ист. наук, проф. Ф. Г. Сафин, канд. ист. наук А. И. Фатхутдинова (Халиулина). Руководитель исследования — канд. ист. наук, науч. сотр. А. И. Фатхутдинова (Халиулина) (выборка 1000 респондентов). Опрос населения проводился в 11 городах, в том числе: в гг. Белорецк, Бирск, Давлеканово, Дюртюли, Кумертау, Нефтекамск, Стерлитамак, Октябрьский, Туймазы, Уфа, Учалы, а также в следующих сельских районах: Балтачевском, Альшеевском, Миякинском, Краснокамском, Стерлибашевском, Куюргазинском Дюртюлинском, Хайбуллинском, Туймазинском, Учалинском и Уфимском // Архив автора.

Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Этнокультурные процессы в Башкортостане: этничность, язык, религия», проведенный в апреле 2019 г. Опрошено 779 респондентов, в том числе 264 русских, 179 башкир, 224 чел. татар, 132 чел. других

национальностей. Авторы проекта — д-р ист. наук, проф. Ф. Г. Сафин, канд. ист. наук А. И. Фатхутдинова (Халиулина). Руководитель исследования — канд. ист. наук А. И. Фатхутдинова (Халиулина) // Архив автора.

Литература

Брусина О. И. Ислам у российских туркменов // Вестник антропологии. — 2019. — № 3. — С. 222–235.

Емельянова Т. А. Языковая идентичность в контексте религиозной социализации молодежи // Вестник социологического образования. — 2017. — № 1. — С. 52–60.

Исхаков Д. М. Проблемы становления и трансформации татарской нации / под ред. Р. С. Хакимова. — Казань: Мастер Лайн, 1997. — 247 с.

Исхаков Д. М. Татары: перепись и политика. — Казань: Татарское книжное издательство, 2010. — 172 с.

Кузеев Р. Г. Историко-этнологический взгляд на современную этнолингвистическую ситуацию в Республике Башкортостан // Язык и национализм в постсоветских республиках. — М.: Наука, 1994. — С. 215–229.

Малашенко А. В. Ислам для России. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — 192 с.

Силантьев Р. А. Новейшая история ислама в России. — М.: Алгоритм, 2007. — 576 с.

Хабутдинов А. Ю. Развитие мусульманской общины Татарстана в 2022 г. // Ислам в современном мире. — 2022. — Т. 18. — № 4. — С. 115–132.

Habermas J. Religion in the Public Sphere // European Journal of Philosophy. — 2006. — Vol. 14 (1). Pp. 1–25.

Ochs E., Schieffelin B. B. Language Socialization. In: Duranti A. (ed.). Key Terms in Language and Culture. — Oxford: Blackwell, 1996, — pp. 234–249.

Suleiman Y. The Arabic Language and National Identity: A Study in Ideology. — Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2002. — 288 p.

Werbner P. Imagined Diasporas among Manchester Muslims: The Public Performance of Pakistani Transnational Identity Politics. — Oxford: James Currey / Santa Fe: School of American Research Press, 2002. — 306 p.

Research Sources

Etnosociologicheskij opros po issledovatel'skomu proektu: «Sovremennye etnicheskie processy v Bashkortostane: etnichnost', identichnost' i tolerantnost'» [Ethno-Sociological Survey of the research project "Modern Ethnic Processes in Bashkortostan: Ethnicity, Identity and Tolerance"]. January, 2024. Authors of the project: Dr. Sci. (History), prof. F. G. Safin; Cand. Sci. (History) A. I. Fathutdinova (Haliulina). *Author archive*.

Etnosociologicheskij opros po issledovatel'skomu proektu «Etnokul'turnye processy v Bashkortostane: etnichnost', iazyk, religii» [Ethnocultural Processes in Bashkortostan: Ethnicity, Language, Religion]. April, 2019. Authors of the project: Dr. Sci. (History), prof. F. G. Safin; Cand. Sci. (History) A. I. Fathutdinova (Haliulina). Chief of the study: A. I. Fathutdinova (Haliulina). *Author archive*.

References

Brusina O. I. (2019). Islam u rossiiskikh turkmenov [Islam among the Russian Turkmens]. *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology]. No. 3, pp. 222–235. (In Russian)

Emelyanova T. A. (2017). Iazykovaia identichnost' v kontekste religioznoi sotsializatsii molodezhi [Linguistic Identity in the Context of Religious Socialization of Youth]. *Vestnik sotsiologicheskogo obrazovaniia* [Herald of Sociological Education]. No. 1, pp. 52–60. (In Russian)

Habermas J. (2006). Religion in the Public Sphere. *European Journal of Philosophy*. Vol. 14 (1), pp. 1–25.

Iskhakov D. M. (1997). *Problemy stanovleniia i transformatsii tatarskoi natsii* [Problems of the Formation and Transformation of the Tatar Nation]. Ed. by R. S. Khakimov. Kazan: Master Lain Publ. 247 p. (In Russian)

Iskhakov D. M. (2010). *Tatary: perepis' i politika* [The Tatars: Census and Politics]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ. 172 p. (In Russian)

Khabutdinov A. Yu. (2022). Razvitie musul'manskoi obshchiny Tatarstana v 2022 g. [Development of the Muslim Community of Tatarstan in 2022]. *Islam v sovremennom mire* [Islam in the modern world]. Vol. 18. Iss. 4, pp. 115–132. (In Russian)

Kuzeev R. G. (1994). Istoriko-etnologicheskii vzgliad na sovremennuiu etnolingvisticheskuiu situatsiiu v Respublike Bashkortostan [A Historical and Ethnological View of the Ethnolinguistic Situation in the Republic of Bashkortostan]. In: *Iazyk i natsionalizm v postsovetskikh respublikakh* [Language and Nationalism in the Post-Soviet Republics]. Moscow: Nauka Publ., pp. 215–229. (In Russian)

Malashenko A. V. (2007). *Islam dlia Rossii* [Islam for Russia]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ. 192 p. (In Russian)

- Ochs E., Schieffelin B. B. (1996). Language Socialization. In: Duranti A. (ed.) *Key Terms in Language and Culture*. Oxford: Blackwell, pp. 230–234.
- Silantieva R. A. (2007). *Noveishaia istoriia islama v Rossii* [The Contemporary History of Islam in Russia]. Moscow: Algoritm Publ. 576 p. (In Russian)
- Suleiman Y. (2002). *The Arabic Language and National Identity: A Study in Ideology*. Washington, D.C.: Georgetown University Press. 288 p.
- Werbner P. (2002). *Imagined Diasporas among Manchester Muslims: The Public Performance of Pakistani Transnational Identity Politics*. Oxford: James Currey / Santa Fe: School of American Research Press. xii + 306 p.

Islam in Russia Today

Original article

ISLAM AND MOTHER TONGUE: THE DOUBLE IDENTITY OF MUSLIMS IN BASHKORTOSTAN UNDER CONDITIONS OF CULTURAL TRANSFORMATION*

Abstract. The article examines the dynamics of religious and linguistic identity among Muslims of the Republic of Bashkortostan under conditions of cultural transformation. Based on comparison of the results of these two sociological surveys of 2013 and 2020, the author revealed trends in the nature of Islamic identity and the role of mother tongue in religious socialization. Islam is increasingly acting in a symbolic, cultural form as an ethnic marker, and not as a system of ritual practice and spiritual knowledge.

* The study was carried out as a part of the research plan of the R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, project № 1022040500508–1–6.1.1 “Socio-Economic Adaptation and Social Well-Being of Ethnic Groups in the Republics of the Ural-Volga region (Case of the Republic of Bashkortostan) during 2025–2027.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
© F. A. Fatkhutdinova, 2025
© Islam in the modern world, 2025

Islam in Russia Today

At the same time, the mother tongue loses its role as a tool for transmitting sacred knowledge, which leads to the Russian language becoming the dominant language in the religious sphere. Against this backdrop, stable types of double identity are formed, combining Islamic and linguistic affiliation in various proportions. The article proposes a typology of four models: synthetic (high significance of language and religious practice), Russified Islam (retention of religious identity with loss of mother tongue), cultural-linguistic (language preservation with weakened religiosity), and nominal (formal affiliation with both systems). The author interprets the identified changes with the support on the concept of post-traditional and ethnic Islam, post-secular publicity and fragmented identity. The theoretical novelty of the article lies in the synthesis of the ethno-sociological and religious approaches via the prism of the language factor. The empirical significance of the article is the use of two complete field data set with a dynamic interpretation. The findings highlight that contemporary Muslim self-identification in a multiethnic and Russified environment is shaped as a flexible and adaptive system of symbolic identifications, where religion and language are increasingly acting independently of each other.

Keywords: Islamic identity, religious socialization, mother tongue, ethno-confessional transformation, post-traditional Islam, Bashkortostan

For citation: Fatkhutdinova A. I. Islam and Mother Tongue: The Double Identity of Muslims in Bashkortostan under Conditions of Cultural Transformation. *Islam in the modern world*. 2025; 21(2): 143–160. (In Russ.); DOI 10.22311/2074-1529-2025-21-2-143-160

Received: 15.04.2025

Review received: 17.05.2025

Accepted: 03.06.2025

Aigul I. FATKHUTDINOVA,

Cand. Sci. (Hist.) Senior Research Fellow,
R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies,
Subdivision of the Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences
(6, Karla Marksa St., Ufa, 450077, the Russian Federation).
E-mail: fatkhutdinova1984@inbox.com
ORCID ID: 0000-0002-6647-6306

